

*Александр
Тамоников*

**ОДИН
ПРОТИВ
АБВЕРА**

*Москва
2019*

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т17

Тамоников, Александр Александрович.

Т17 Один против абвера / Александр Тамоников. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (СМЕРШ — спецназ Сталина).

ISBN 978-5-04-099663-6

Поразительная правда о военном времени. Суммарный тираж книг автора — около 10 миллионов экземпляров.

1943 год. Окруженная под Смоленском немецкая группировка неожиданно прорвала кольцо и вышла из-под удара. Советское командование уверено: немцам кто-то помог, указав слабое место в нашей обороне. На поиски вражеского агента прибыла группа армейского отдела контрразведки СМЕРШ под командованием капитана Алексея Саблина. Оперативники выясняют, что во время оккупации в районе активно работала разведшкола Абвера. Некоторые из ее выпускников впоследствии внедрились в действующие части Красной Армии. Саблин узнает кличку немецкого шпиона и определяет круг подозреваемых. Дело за малым — выявить предателя и взять его живым...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Тамоников А.А., 2018
© Оформление. ООО
«Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-099663-6

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

28 апреля 1943 года немцы контратаковали. Они опять сделали это на рассвете. Бронированный кулак из полутора десятков «Тигров» и «Пантер» ударил южнее городка Ненашев. Танки в камуфляжной расцветке выезжали из леса и устремлялись через поле к деревне Коптянка. За ними густо шла пехота.

Удар оказался стремительным, внезапным. Мотоциклетные подразделения на левом фланге смяли жидкие заслоны красноармейцев, оседлали дорогу, соединяющую Коптянку с селом Ситным, и устремились на соединение с основной группой.

Котел в районе Ненашева, в котором были заперты два потрепанных пехотных полка 9-й армии, остатки танковых частей и штаб разгромленной дивизии, просуществовал две недели. Капитулировать немцы отказались, несколько раз пытались вырваться, но откатывались обратно.

Ситуация складывалась странная. Добить противника в Ненашеве Красная армия не могла. У нее не хватало сил, резервы еще не подошли. Сам городок и окрестные леса были окружены. Они по нескольку раз в день обстреливались из орудий, чтобы противник не смог перегруппироваться.

Немцы огрызались, но у них кончались боеприпасы, не говоря уж о полном упадке боевого духа. До застывшей линии фронта было четыре километра, но и там германское командование не могло собрать достаточно сил, чтобы вызвать своих окруженцев.

И вот сегодня немцы снова пошли на прорыв. Они ударили на оголенном участке, где пыль им в глаза пускала бутафория. Это были макеты пулеметных гнезд, неисправные орудия и танки, сколоченные из фанеры.

Стрелковый батальон, прикрывающий этот участок, был скрытно выведен с позиции днем ранее. Он заткнул дыру севернее райцентра Бутово. Замена ему не подошла.

Именно в этот момент немцы и ударили сразу всем, что имели. Они работали оперативно, не дожидаясь, пока советское командование перебросит сюда силы с других участков. Несколько сотен пехотинцев валом шли за танками, которые лихо давили траншеи с бутафорией.

Отделение красноармейцев, призванное имитировать наличие войск, пыталось оказать со-

противление. Поздно проснулись! Танковые пулеметы расстреливали их в упор.

Последний боец за миг до смерти успел бросить связку противотанковых гранат под гусеницу «Тигра», утюжащего траншею. Стальная махина остановилась, окуталась дымом. Взрыв повредил ходовую часть, разлилось топливо.

Откинулись люки на башне. Члены экипажа в черных комбинезонах спрыгивали на землю. Последний не успел — детонировал боекомплект. Стальной гигант полыхнул как факел. Горящий танкист катался под гусеницами, истошно орал. Никто из товарищей не бросился его спасать. В этом уже не было никакого смысла.

На исход операции это не повлияло. Танки миновали траншею, шли по полю, набирая скорость. Пехотинцы укрывались за тяжелой техникой. Танкисты вели огонь по окраинным избам Коптянки. Они разлетались как картонные коробки. Пламя быстро охватывало дворовые постройки. Спасались бегством немногочисленные местные жители. Танки уже катили по деревенской улице.

Несколько красноармейцев выбежали на дорогу, все полуодетые, оторопевшие. Одного убило сразу, другие залегли в придорожной канаве, стали отстреливаться. Головной танк сменил направление, гавкнула пушка. Взрывом накрыло горстку людей.

На южную опушку выезжали трехтонные грузовики «Опель-Блиц», набитые солдатами, не участвующими в бою, ранеными, штабными офицерами. Машины выбирались на дорогу, устремлялись в коридор, пробитый танками. Маленькая деревня пылала как большой пионерский костер.

Из уцелевшей избы на западной окраине Коптянки выбежал молодой взъерошенный лейтенант. Он ночевал у своей зазнобы, с которой познакомился днем ранее. В спину ему несли испуганные женские крики. Он впрыгнул в сапоги, проигнорировав портянки, застегивал на бегу гимнастерку. Ревели двигатели тяжелых танков, рвались снаряды, пылал соседний дом.

Лейтенант метался по двору как обезглавленный петух. Он кинулся к калитке, распахнул ее и попятился, увидев вражеское войско, несущееся по дороге. Этот парень головой отвечал за данный участок!

Лейтенант кинулся обратно во двор, метнулся к «газику», ночевавшему у дровяной поленницы, собрался сесть за руль, но передумал. Он не был трусом, да и понимал, что поздно спасаться бегством.

Лейтенант выволок с заднего сиденья ручной пулемет Дегтярева образца 1927 года, схватил два дисковых магазина на 47 патронов. Руки тряслись, не слушались его. Он кое-как пристроил под мышку пулемет, уцепил магазины и бросился в дом.

— Матрена, в подвал, живо! — выкрикнул офицер дрожащим голосом. — И не выходить!

Она метнулась из спальни, вся растрепанная, перепуганная. Женщина путалась в полах ночной рубашки, что-то бормотала, хватала его за рукав, редела как на похоронах. Он оттолкнул ее, еще раз облаял.

Скрипела, гнулась лестница, ведущая на чердак. Лейтенант забросил наверх магазины, пулемет, вскарабкался сам, разложил сошки, поволок свое оружие к крохотному слуховому окну. В этом грохоте никто не слышал, как он вынес стволом стекло.

Парень распластался на полу, дрожа от волнения. Горячий пот растекался по лицу вчерашнего курсанта военного училища, щипал глаза.

Немцы вырывались из окружения практически без боя. Гремели танки, за ними бежали запыхавшиеся пехотинцы, ехали грузовики. Люди в серой форме наводнили узкую улицу.

Он ударил из пулемета, не задумываясь о последствиях. Первая очередь, пробная, вспорола землю под сапогами солдат. Вторая сбила несколько человек, разорвала брезентовый тент грузовика. Водитель получил пулю в плечо, резко крутанул баранку, и машина стала давить своих. Трещали кости, орали пехотинцы.

А пулеметчик продолжал поливать их огнем. Они валились как подкошенные. Офицер что-то каркал, размахивал «Люгером». Немцы воевать

умели, источник беспокойства обнаружили быстро и открыли огонь по нему.

Но пулеметчик продолжал их косить. Через минуту он взял короткую паузу, сменил диск и продолжил свое дело.

Движение на дороге застопорилось. Грузовик съехал в кювет, перекрыл проезжую часть. Солдаты пятились, залегали. Остановился танк, дернулась, поворачиваясь, башня.

Лейтенант спешил истратить боезапас.

По левой обочине подошел второй танк, уперся в грузовик, протолкнул его дальше в кювет, освобождая проезд. Башня первого танка прекратила вращение.

Молодой лейтенант не хотел умирать. Он жизни-то толком не видел! Этой ночью молодой офицер совершил преступную ошибку, бросил ситуацию на самотек, пленился пышными формами одинокой вдовушки и теперь пытался хоть что-то исправить.

Он понял, что сейчас произойдет, бросил пулемет, патронов к которому все равно не осталось, покатился на другой конец чердака. Парень рухнул в люк, загремел по лестнице и, кажется, что-то сломал. Боль рвала его от пяток до ушей.

Танк выстрелил, когда он кувыркался по ступеням. Взрывом снесло чердак. Верхняя часть дома разлетелась на куски. Все рушилось, лейтенанта завалило огрызками дерева. Он извивался, кашлял в клубах пыли, выползал из-под обломков. Вместо потолка над ним красовалось светлеющее небо.

Почему живой? Уму непостижимо!

Немецкий танкист ограничился одним выстрелом. Не до того ему было. На дороге осталось не меньше двух десятков тел. Многие еще шевелились. Солдаты хватали под мышки товарищей, которые могли выжить, волокли их на себе. Время поджимало. Бездельных они добивали или оставляли умирать в грязи. Офицеры срывали голос.

Колонна устремилась дальше. Из окружения выходили танки, пехота, грузовики, телеги, запряженные лошадьми.

Лейтенанта контузило, голова его жутко трещала. Он выполз в комнату, поднялся, держась за стену. Ноги подкосились, парень снова рухнул, пополз к крышке подпола.

Под землей редела женщина. Жива, дуреха!

Лейтенант облегченно выдохнул, снова начал подниматься, поволок из кобуры табельный «ТТ». Вперед, воевать дальше! Но силы его иссякли. Он потерял сознание, уронил буйную голову.

За деревней потрепанная колонна повернула на запад, двинулась вдоль речушки Илеть, в направлении села Мокрушино. За ним, прикрытым вереницей покатых холмов, проходила линия фронта.

Немцы, находившиеся на той стороне, получили соответствующую радиogramму и начали артподготовку. За излучиной реки мобильные посты красноармейцев пытались сдержать отход.

Шквал огня накрыл их полуторки и мотоциклы «М-72». Выжившие откатывались в поле, залегали. Колонна противника втягивалась в лесистую местность между холмами.

Для советского командования этот удар стал полной неожиданностью. Немцы прорвали кольцо там, где оно было самым тонким. Как они пронюхали? Почему атаковали именно здесь, в самый неподходящий момент?

Колонна «тридцатьчетверок», вышедшая из Карловки наперерез прорвавшимся немецким частям, попала под обстрел и была вынуждена рассредоточиться по лесу.

Передовая на этом участке была фактически оголена. С одной стороны — болота, с другой — разрушенная деревня, расположенная за холмами. Растянутая рота, макеты танков из фанеры.

Разрозненные очаги сопротивления немцы давили без остановки. Колонна стремительно уходила к линии фронта. Теперь ее прикрывала с востока лишь вереница покатых холмов.

Небольшое подразделение вермахта зацепилось за высоту, солдаты спешно рыли окопы, установили под горой минометную батарею.

Единственный способ разделаться с уходящим противником состоял в том, чтобы овладеть этой клятой высотой. Раскалились радиостанции в штабах и на позициях, ругались офицеры, допустившие это безобразие.

К этой высотке подошла усиленная штрафная рота капитана Суворова — без малого 230 штыков. Она ускоренным маршем прибыла из Черного Яра — деревушки, расположенной тремя верстами южнее.

Солдаты в гимнастерках без знаков различия, осужденные за пьянки, драки, самоволки, пререкания с начальством, перестроились в боевой порядок. До высоты, где закрепились немцы, было метров шестьсот.

— Бегом, марш! — сипло скомандовал капитан Суворов, молодцеватый офицер с щеточкой усов под носом. — Не спать, шевелиться! Взводные, ведите ваши подразделения!

Никто не знал, каковы силы противника. Наверху мелькали немецкие каски, но что с того? Они всегда мелькают, на то она и война.

У подножия холма рота залегла. Впереди покатый склон, усыпанный мелкими камнями. Куцые кусты, торчавшие кое-где, еще не обзавелись листочками. Сто метров насквозь простреливаемого пространства.

— Мужики, нам же хана, — глухо проговорил какой-то солдат. — Посекут из пулеметов, не дойдем до верха. Почему не обойти холм?

Но решение было принято впопыхах. Быстро, любой ценой добиться выполнения поставленной задачи.

Люди притихли, бледнели, сжимали зубы.

— Примкнуть штыки! — приказал Суворов. — В атаку, за Родину, за Сталина!

— Да шел бы ты лесом со своими агитками, — проворчал тот же боец. — Отец солдатам, мать твою!..

— Да уж, хлопцы, это не тот Суворов, что был когда-то, — пробрюзжал вислоусый мужик с заскоружными артритными пальцами. — Этот гораздо хуже.

Но солдаты поднялись и с ревом, вырывавшимся из луженых глоток, понеслись наверх. Вся рота была вооружена трехлинейными винтовками Мосина. Два ручных пулемета на всю ораву — и выживай, как знаешь. Они бежали, спотыкались, путались в полах длинных шинелей. Офицеры подбадривали солдат, бежали рядом с ними, не прятались за спинами. Немцы молчали, и это было здорово.

Полсклона позади. Самые нетерпеливые штрафники вырывались вперед, орали что-то дурное, матерное.

Немцы тянули до последнего. Первой ударила минометная батарея, укрытая за холмом. Зловещий свист перешел в рев, и мины стали рваться перед солдатами, атакующими высоту. Упали несколько бойцов, пыль и дым поднялись столбами.

Второй залп оказался точнее, накрыл передовую цепь. Солдаты валялись гроздьями, раненые кричали, катались по земле. Но поредевшая волна неслась по склону.

Заработали пулеметы. Немцы стреляли невозмутимо, как на полигоне. Четыре «МГ-42» били почти в упор.

Остатки роты залегли метрах в тридцати от гребня холма. Огонь был невыносим, не давал продвинуться ни на метр.

Немцы все еще швыряли мины из-за холма, но это развлечение становилось опасным для них самих. Два последних взрыва грохнули недалеко от пулеметных расчетов. Уплотнился огонь из карабинов и автоматов. Немецкие солдаты меняли позиции, прицельно стреляли в штрафников, лежащих на земле.

Отступить было нельзя. Живым назад теперь никто не откатится. Большинство офицеров уже повыбило.

— Солдаты, вперед, за мной! — прохрипел раненный в руку капитан Суворов. — Три шага осталось. Ребятюшки, в атаку! — Он поднялся первым и тут же повалился навзничь.

Остальным терять было нечего. Все равно погибать! Поднялись семь десятков штрафников, побежали наверх, драли глотки, жутко матерились. Немцы методично расстреливали их. Ливень свинца косил солдат, идущих в свой последний бой. Никто не добежал до позиций противника, вырытых на скорую руку. Груда мертвых тел заполонила склон.

Усач с заскорузлыми пальцами успел швырнуть гранату и рухнул бездыханный. Взрывом